

**Рец. на: Р. Херрлингер. Holy sobriety in modern Russia:
a faith healer and his followers. Ithaca: Cornell University Press, 2023. 360 p.***

DOI: 10.31857/S2949124X25020305, EDN: EEESNV

Во второй половине XIX в. в Европе началось активное обсуждение проблемы чрезмерного потребления алкоголя и его негативного влияния на общество. Российская империя не стала исключением, несмотря на то что значительная часть государственного бюджета зависела от «винной монополии». Как известно, широко распространившееся представление о вреде алкогольных напитков привело к запрету их употребления в 1914 г.¹ В то же время борьба шла и посредством более мягких форм воздействия. Одной из них стало движение за воздержание от алкоголя, возникшее в начале 1860-х гг. на фоне зарождающегося гражданского общества². Оно объединило довольно разношёрстные группы активистов. Одни — медицинские работники и члены различных обществ трезвости — пытались постичь природу зависимости научными методами и на их основе предложить способы излечения. Другие, так или иначе связанные с Русской Церковью, проявляли заботу не только о бренных телах своей паствы, но и об их бессмертных душах. Несмотря на такое различие взглядов, светские и церковные трезвенники, как правило, находили общий язык и могли сотрудничать, поскольку совпадали их

цели (отказ от употребления алкоголя или хотя бы умеренность в нём) и основные методы работы (организация альтернативных форм досуга и общения и мест для них — проведение популярных лекций, открытие чайных комнат, библиотек).

Однако время от времени инициированные мирянами антиалкогольные кампании вызывали резкую реакцию Церкви, поскольку брали на вооружение религиозные взгляды на природу алкогольной зависимости и исцеление от неё. Так произошло с деятельностью «братца» Ивана (Иоанна) Алексеевича Чурикова, который, проповедуя Евангелие, с конца 1890-х гг. стремился помочь своим последователям избавиться от пристрастия к спиртным напиткам, а также от других пороков. Его личность и наследие в России изучены достаточно подробно³, однако в англоязычной историографии рассматриваемая работа — первая. Её автор — американская исследовательница П. Херрлингер — заинтересовалась Чуриковым во время работы над своей первой книгой, посвящённой изучению религиозной стороны жизни рабочего класса в позднимперском Петербурге⁴. Главная цель новой работы — на основе микроисторического подхода представить «коллективную

* Херрлингер П. Святая трезвость в современной России: Целитель и его последователи. Итака: Издательство Корнельского университета, 2023. 360 с.

Материал подготовлен при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства «Приоритет-2030».

биографию» своего героя и его движения, их отношений с государством и обществом в переломный период российской истории, который характеризовался значительными изменениями в представлениях об идентичности, вере и власти, многообразием форм православной веры и неоднозначной реакцией на это многообразие самой Церкви.

В процессе работы Херрлингер использовала фонды Государственного музея истории религии, Архива Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской обл., РГИА, ЦГА и ЦГИА СПб, а также материалы сайтов двух организаций-преемников чуриковского движения. Книга состоит из десяти глав, где объект исследования рассматривается в хронологической последовательности, от первых проповеднических усилий Чурикова в 1890-х гг. до возрождения его идей в конце 1980-х гг. В эпилоге кратко описано состояние движения в постсоветской России.

Тематически главы можно разделить на пять пар. Первая и вторая главы посвящены истокам и характеру деятельности Чурикова и его движения. Уроженец Самарской губ., он в 1884 г. поселился в Санкт-Петербурге и начал проповедовать среди бедноты, приобретя множество последователей. Из-за этого «братец Иоанн» вступал в конфликты с представителями Церкви, за что подвергался наказанию (высылка на родину и заключение в психиатрическую больницу в 1897 г. и в тюрьму суздальского Спасо-Евфимьева монастыря в 1900 г.), однако в 1901 г. его поддержал митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний (Вадковский), добившийся официального допуска Чурикова к проповеди. Благодаря этому движение ещё более разросло и, по некоторым оценкам, могло насчитывать десятки и даже сотни тысяч последователей.

Первый этап его существования увенчался в 1904–1905 гг. созданием поселения близ деревни Вырица Санкт-Петербургской губ. Движение условно делилось на три уровня: преданные сторонники (например, несколько «сестриц», служивших личными помощницами проповедника, и те, кто следовал за ним повсюду, в том числе переехал в Вырицу), более многочисленная группа приверженцев, регулярно посещавших молитвенные собрания, и, наконец, основная масса, состоявшая из случайных посетителей.

Один или два раза в неделю Чуриков устраивал двух-трёхчасовую «беседу», в ходе которой толковал различные места Священного Писания. Сторонников привлекали мягкая манера его речи, принятие всех страждущих, независимо от статуса или характера проступка, смирение и прямота. Беседы были призваны помогать справляться с самыми разными проблемами, но известность пришла к проповеднику за излечение от алкоголизма и горячую борьбу за трезвый образ жизни. Самые рьяные приверженцы считали, что уже одно присутствие Чурикова излечивает от недуга, многие прочие осознавали, что встреча с ним — только начало долгой и порой трудной самостоятельной борьбы. Реакция представителей Церкви на деятельность общины оказалась неоднозначной: одни, как митрополит Антоний (Вадковский) и священник Г. Петров, считали, что Чуриков и его сторонники — важное подспорье для Церкви в её общественной деятельности (сам «братец» всегда утверждал, что его беседы не заменяют обычные исповедь и Евхаристию, а лишь дополняют их). Других же беспокоила неподконтрольность содержания его бесед, из-за чего среди необразованных рабочих и крестьян насаждалась ложная вера, замаскированная под православие.

Содержание третьей и четвёртой глав включает в себя анализ письменных свидетельств трезвенников начала XX в. Херрлингер стремится дать читателю возможность заглянуть во внутренний мир «чуриковцев». Большинство из них вышли из низших слоёв общества, были алкоголиками или их жертвами. В первом случае они нередко пили, чтобы подавить чувство стыда за безнравственные поступки (один из рассмотренных случаев — жестокий вор). Не все приходившие к Чурикову отличались религиозностью, но часто обращались в веру в процессе общения с ним, а создаваемое им и его приближёнными ощущение общности и взаимопомощи предотвращало их отпадение.

Главы пятая и шестая посвящены новым гонениям, которым Чуриков подвергался в 1911–1914 гг. Этот период начался с ареста некоторых его московских приверженцев. В 1912 г. в деревне Обухово Санкт-Петербургской губ. произошло жестокое столкновение между «чуриковцами» и паствой приходского священника, вызвавшее обеспокоенность правительства и ряда видных деятелей Церкви, в том числе будущего митрополита Вениамина (Федченкова). Настороженность вызывали содержание и форма проповеди Чурикова (например, он использовал Евангелие, чтобы направить мысли верующих не на спасение в загробной жизни, а на утешение в земной), его отказ подчиняться церковному надзору, а также то, что некоторые сторонники, похоже, считали его воплощением Христа. В прессе развернулась дискуссия, со стороны всё более мощного и воинственного миссионерского движения звучала резкая критика (в частности упреки за схожесть с «сектантами» — евангельскими христианами, а «братца» даже объявляли «антихристом»). Дошло

до того, что группа медиков провела экспертизу некоторых чудесных исцелений проповедника (несмотря на то что сам он современной медицине не признавал). Чуриков неоднократно и решительно отвергал домыслы о себе, подчёркивал верность православию и его тайнствам, тем не менее его признали виновным в сектантстве и отлучили от Церкви (что, однако, не коснулось других участников движения). В итоге образ гонимых стал основой идентичности «чуриковцев».

Об их судьбе в раннем Советском Союзе рассказывается в седьмой и восьмой главах. Поначалу государство относилось к движению нейтрально, поскольку оно состояло в основном из рабочих и крестьян, которые благодаря трезвому образу жизни хорошо трудились и вели себя законопослушно. Кроме того, в отличие от баптистов или других евангельских групп, они не выступали против воинской повинности и почти не поддерживали контактов с «тихоновской» Церковью. Сам Чуриков отвергал большевицкий атеизм, но в то же время усматривал некоторые параллели между своими призывами к спасению путём чистой, трезвой и нравственной жизни и их модернизационным проектом. В свою очередь некоторые представители правящих кругов, в первую очередь В.Д. Бонч-Бруевич, считали трезвенников достойными и лояльными гражданами. В итоге колония в Вырице официально стала трудовой коммуной, а Чуриков — её руководителем.

При этом, однако, атеистические пропагандисты осуждали проповедника как мелкобуржуазного мошенника, а его последователей считали жертвами обмана. Особенно возмущало их неприятие «чуриковцами» медицинской науки (некоторые бывшие сторонники пытались привлечь «братца» к суду за отказ в оказании им медицинской помощи, что вы-

звало особое возмущение в прессе). В конце концов, утверждение у власти И.В. Сталина фактически обрекло движение на гибель. По мнению Херрлингер, если в начале 1920-х гг. ещё допускалось существование альтернативных представлений о социалистическом обществе, то к концу десятилетия установился монопольный диктат партийных установок, в условиях которого места для трезвенников не осталось. В 1929 г. руководителя движения и его ведущих сторонников арестовали.

Наконец, в девятой и десятой главах повествуется о том, как выживало движение после смерти Чурикова в тюрьме в 1933 г. и исчезновения колонии в Вырице. Сторонники продолжали исповедовать его идеи тайно, в семейном кругу, опасаясь общественного осуждения и репрессий. Потеря руководителя и организационного центра привела к росту неоднородности в толковании учения. Новую жизнь обрели утверждения о божественности (святости) Чурикова, стали появляться старцы, претендовавшие на его духовное наследие. «Беседы» сохранились, хотя теперь проходили в частном порядке.

Делая выводы о взаимоотношениях государства с трезвенниками в 1950–1980-х гг., Херрлингер следует за историком советского атеизма В. Смолкин⁵. В частности, по утверждению последней, богоборцы всё больше осознавали, что театрализованные нападки на религию малоэффективны. Вместо этого необходимо её изучение, в частности выявление социальных причин веры, и использование результатов такого изучения для борьбы с ней. Однако в итоге учёные пришли к выводу, что сохранению религии способствует сам социалистический проект, не способный создать ей равноценную замену (в первую очередь эмоциональную). Исследо-

вательница показала, что на схожие умозаключения вышли учёные, изучавшие трезвенников. В конце концов, в 1988 г. достаточно воспрывшие в условиях перестройки «чуриковцы» добились посмертной реабилитации своего духовного лидера.

В заключение отмечу, что коллективная биография весьма оригинального движения в целом удалась. Оно исследовано всесторонне, с полным учётом историографии на нескольких языках, аналитические выводы выглядят обоснованно, стиль красноречив. Среди недостатков – отсутствие полноценного заключения и редкое обращение к сравнительному анализу, хотя сама Р. Херрлингер пишет о сопоставлении российских трезвенников с аналогичными движениями в других странах. Книга может быть рекомендована специалистам, а также студентам исторических специальностей и представителям широкой публики, однако, по мнению автора, читатели всё же должны иметь представление о религиозном контексте поздней Российской империи и Советского Союза.

Примечания

¹ *Herlihy P.* The Russian vodka prohibition of 1914 and its consequences // *Dual markets* / Eds. E. Savona, M. Kleiman, F. Calderoni. Cham, 2017. P. 193–206.

² См.: *Афанасьев А.Л.* Трезвенное движение в России в период мирного развития. 1907–1914 гг.: опыт оздоровления общества. Томск, 2007.

³ *Зарембо Н.Г.* Духовные власти Санкт-Петербурга и народное трезвенническое движение чуриковцев (1907–1914 гг.) // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*. 2010. Вып. 126. С. 30–35; *Комков М.П., Плотникова В.В.* Апостол трезвости: Иоанн Алексеевич Чуриков. СПб., 2014.

⁴ *Herrlinger P.* Working souls: Russian Orthodoxy and factory labor in St. Petersburg, 1881–1917. Bloomington, 2007.

⁵ *Smolkin V.* A sacred space is never empty: a history of Soviet atheism. Princeton, 2018.